

ОБ ОДНОМ ПУШКИНСКОМ КУРСИВЕ

Так он писал *темно и вяло*
(Что романтизмом мы зовем...)

В шестой главе «Евгения Онегина» эти строки непосредственно следуют за элегией Ленского. В отдельном издании шестой главы 1828 года и в прижизненных изданиях «Онегина» (1833, 1837) слова «темно» и «вяло» набраны курсивом. Так печатаются они и до сих пор.

Что означает этот курсив?

В «Евгении Онегине» курсивы встречаются нередко. Они имеют разное назначение, достаточно отчетливое, хотя прибегает к ним Пушкин без строгой последовательности.

Курсивом выделяются иноязычные слова, а также варваризмы, то есть иноязычные слова в русском написании, притом сохраняющие резкую осязаемость своего иностранного происхождения («Как говорится, *машинально*»), и т. п. Курсив отмечает цитаты. Не только цитаты из определенных авторов, но и анонимные, так сказать, обобщенные («Жалеть о *прежнем*, о *былом*»); также фиктивные цитаты, в которых текст принадлежит самому Пушкину, — вроде надгробной надписи Ларину. Курсивы встречаем в названиях произведений, журналов, даже вин («Да здравствует *Бордо*, наш друг!»). Курсивом Пушкин в «Онегине» выделяет иногда прямую речь действующих лиц. Наконец, курсивом он пользуется для смыслового нажима, усиления:

Ужель загадку разрешила?
Ужели *слово* найдено?

Иногда это нажим иронический:

Какой-нибудь *пиит* армейской
Тут подмахнул стишок злодейской.

Курсив в словах «*темно и вяло*», казалось бы, следует рассматривать в ряду смысловых нажимов. Но воз-

можно и другое толкование, — возможно, что «темно и вяло» является своего рода цитатой. Скрытой цитатой из Языкова.

В Дерпте, в свои студенческие годы, Языков сблизился с семейством Анны Сергеевны Дириной. Ее дочери, Марии Николаевне, он посвящал стихи даже в пору своего бурного увлечения А. А. Воейковой. Среди стихов Языкова 1825 года, вписанных в альбом Дириной, имеется шуточное послание «Мой Апокалипсис» (речь в нем идет об отношениях с Воейковой). Послание состоит из пяти стихотворений и из стихотворных «примечаний» к этому циклу. Они содержат фактические и психологические пояснения к упомянутым в «Моем Апокалипсисе» событиям, а также своеобразную критику собственной любовной лирики.

Автокритика Языкова отчасти напоминает арзамасские стихотворные разборы, посвященные произведениям друзей. Впрочем, Языков едва ли мог знать такого рода послания Жуковского к Вяземскому и В. Л. Пушкину, — написанные в 1814—1815 годах, они были напечатаны только в шестидесятых.

В «Моем Апокалипсисе» Языков цитирует свою, за несколько месяцев до того написанную, элегию («В альбом Ш. К.» — «Не часто ль тягостною мукой...»), подвергая ее придиричвому рассмотрению:

*«Любовь, любовь, я помню живо
Счастливым день, как в первый раз
Ты сильным пламенем зажглась
В моей груди самолюбивой!
Тогда все чувства бытия
В одно прекрасное сливались:
Они светлели, возвышались,
И гордо радовался я!»
Как это вяло, даже темно,
Слова, противные уму,
Язык поэзии наемной
И жар, не годный ни к чему!
Как принужденны и негладки
Четыре первые стиха!
Как их чувствительность плоха,
Как выражения не кратки!
Конец опять не без греха:
В одно прекрасное сливались —
Они светлели, возвышались.
Какая мысль! и что оно
Тут неуместное «одно»?
И как они сюда попались?»*

*Тогда все чувства бытия —
Какие, спрашиваю, чувства?
Тут явная галиматья
И без малейшего искусства!
И гордо радовался я —
К чему, зачем такая радость,
И что она, и где она,
В уме иль в сердце? — Здесь видна
Нерассудительная младость
И сумасшедшие мечты
Без нежности и красоты.*

Итак, о собственной элегии сказано: «Как это вяло, даже тёмно». Слово «вялый» вообще было в ходу применительно к явлениям литературы. Кюхельбекер, например, в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» говорит о «вялом племени» французских поэтов XVII века.¹ Этот эпитет встречается и в письмах самого Языкова первой половины 1820-х годов. Так, «вялым» он называет стихотворение Козлова «Венгерский лес» и даже «Бахчисарайский фонтан» Пушкина.² Позднее Пушкин неоднократно употребляет определения «темно» и «вяло» — в отдельности — в своих заметках на полях «Опытов» Батюшкова (заметки, по мнению Б. В. Томашевского, сделаны не ранее 1830 года).

Эпитет «темный» употреблялся в критической литературе, в частности в полемике с романтизмом. Так, например, антиромантически настроенный Житель Васильевского острова (псевдоним Н. Цертелева) иронически утверждает, что романтикам присущ «образ выражения особенный, если хотите, странный, и даже иногда неудобопонятный, ибо самая темнота имеет свою прелесть...». Он считает, что это «особенный род умственного тумана или мглы, скрывающей от читателя смысл сочинения...» (статья «Новая школа словесности»)³.

Определения «темно» и «вяло» сами по себе были ходовыми, но сочетание их у Языкова в одном стихе дает уже некую формулу, которую Языков мог подсказать Пушкину.

Был ли, однако, Пушкину известен «Мой Апокалипсис»? Свое послание к Дириной Языков при жизни

¹ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979, с. 457.

² Языковский архив, вып. 1. СПб., 1913, с. 118, 128.

³ Благонамеренный, 1823, ч. XXI, № 6, с. 431—432.

не печатал (за исключением четвертого стихотворения цикла, появившегося в виде отдельной элегии), — оно было опубликовано только в 1911 году («Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», № 2). Но в июне 1826 года Языков гостил в Тригорском и посещал в Михайловском Пушкина. Поэты читали друг другу стихи. Это само собой разумеется, но есть и документальное подтверждение. 14 апреля 1836 года Пушкин писал Языкову: «Отгадайте, откуда пишу к Вам, мой любезный Николай Михайлович? из той стороны... где ровно тому десять лет пировали мы втроем — Вы, Вульф и я; где звучали Ваши стихи...»

Очень вероятно, что среди этих стихов был и недавно (в 1825 году) написанный «Мой Апокалипсис». Летом 1826 года Пушкин как раз работает над шестой главой «Онегина» (она закончена 10 августа). Он мог по свежей памяти воспользоваться формулой Языкова «Как это вяло, даже тёмно», применив ее к элегии Ленского.

Подобные реминисценции у поэтов бывают иногда бессознательными. Но пушкинский курсив указывает скорее на сознательное использование, на то, что Пушкин к формуле «темно и вяло» отнесся как к цитате.

ЛИДИЯ
ГИНЗБУРГ

О
СТАРОМ
И
НОВОМ

С Т А Т Ь И
И
О Ч Е Р К И

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1982